

Наталья Евгеньевна Петрова

Россия, Нижегородский государственный университет им. Козьмы Минина

Обратная переходность в области частей речи русского языка

Ключевые слова: ретранспозиция, парадигма, конвергенция, дивергенция
Key words: retransposition, paradigm, convergence, divergence

Abstract

Russian is known to have layers of derived vocabulary whose structural form evokes an association with another part of speech. This induces the usage of such words in a syntactic context not characteristic of them but based on the analogy of the association object. On the basis of modern fiction, mass-media and spoken language this paper considers the variety of backward transitivity, or retransposition, that in the author's opinion may illustrate the processes of convergence and divergence in the structure of the language.

Известно, что в основе образования и развития человеческих языков лежат процессы конвергенции и дивергенции, что проявляется, например, в скрещивании (конвергенции) языков и диалектов, с одной стороны, и в образовании родственных языков (дивергенции языка-источника), с другой [см.: Мечковская 2009: 123–152]. Е. Д. Поливанов разработал конвергентно-дивергентную теорию применительно к внутренней структуре языка, а именно – к исторической фонологии. Можно предположить, что конвергентно-дивергентные процессы идут и на других уровнях языка, демонстрируя тем самым определенную симметрию структурных преобразований – симметрию слияния и распада. В словообразовании это проявляется в виде разнонаправленных деривационных отношений. Так, в области морфемного словообразования отмечены две разновидности образования слов – прямое и обратное: суффиксация vs десуффиксация, префиксация vs депрефиксация, постфиксация vs депостфиксация, композиция vs декомпозиция. Конечно, это своеобразная симметрия, поскольку доминирующими являются прямые способы образования слов, тогда как «путем обратного словообразования возникают такие слова и основы, которые этимологически „незаконны”» [Шанский 2005: 291] и, добавим, малочисленны. В то же время поддержка обратному

словообразованию обнаруживается в области морфолого-синтаксической деривации, которую называют переходом из одной части речи в другую, а также транспозицией частей речи.

Базой для ретранспозиции служат пласты такой лексики, которая, принадлежа к одной части речи, способна вызвать структурную ассоциацию со словами другой части речи, потому что содержит в себе «чуждый» морфемный материал. Появление таких слов обусловлено рядом причин. Одна из главных – специфика транспозиции, сущность которой состоит в том, что, регулярно употребляясь в определенном синтаксическом окружении, форма слова кардинально изменяет свои морфологические признаки и свойства (категориальную семантику, способность выражать те или иные морфологические категории, синтаксическую валентность) и переходит в другую часть речи, не меняя при этом свое материальное оформление, ср.: *состоять/находиться в связи (с единомышленниками)*, где *в связи* – форма предложного падежа существительного *связь*, и *опоздать в связи с (пробками на дороге)*, где *в связи с* – предлог, выражающий причинно-следственные отношения и образованный на базе указанной выше формы существительного; *подошел к слепому мальчику*, где *слепой* – прилагательное, и *подошел к слепому*, где *слепой* – существительное.

Другим источником лексики, вызывающей структурную ассоциацию с иной частью речи, является аффиксальное словообразование по таким моделям, в которых используются морфемы, омонимичные грамматическим показателям других частей речи. Модели такого рода формируются под влиянием образцов, предоставляемых морфолого-синтаксической деривацией. Так, в области русских наречий имеется модель с суффиксом *-ком*, по которой наречие образуется непосредственно от глагольной основы (*ползать* → *ползком*), но при этом проявляет несомненное сходство с адвербиализованной формой творительного падежа существительного мужского рода (ср.: *верхом, рядком, летом, вечером* и под.).

Действие указанных факторов приводит к тому, что в русском языке появляются наречия, похожие на падежные формы существительных, существительные с адъективными флексиями или прилагательные, очень напоминающие причастия. Логично предположить, что этот структурный ресурс может использоваться в речи и стимулировать явление обратного порядка: переход «назад», или ретранспозицию в исходную или якобы исходную часть речи. Рассмотрим это явление на примере наречий, существительных адъективного склонения и отглагольных прилагательных с суффиксами причастий.

Деадвербиализация наречий

В русском языке имеется большой корпус наречий, способных вызывать ассоциацию с субстантивной формой. Эта структурная аналогия и порождает явление речевой деадвербиализации, когда суффиксальный или приставочно-суффиксальный формант наречия интерпретируется говорящим как флексийный или предложно-флексийный формант существительного. Наиболее простым и очевидным проявлением деадвербиализации является употребление согласованного определения с наречием или той его частью, которая отождествляется с существительным. Согласованное определение может занимать интерпозицию в структуре наречия, нарушая тем самым его целостность (А), или употребляться постпозитивно (Б), что при внешне сохраненной форме наречия создает дополнительный эффект «обманутого ожидания»:

А) Но 25 декабря 1958 года все с самого утра пошло **на какой-то непривычный перекосяк** (М. Степанова, *Женщины Лазаря*);

Галина Петровна [...] даже заспанная, даже **на немыслимых своих восьми-слишним-месячных сносях** выглядела возмутительно здоровой и соблазнительной (М. Степанова, *Женщины Лазаря*);

– А что у нас вообще может произойти? – ответила я. – Школа ее куда не денется. Муж тоже. Сын **в хорошем далеке** (Г. Щербакова, *Уткоместь*);

Светлана и Михаил Маниовичи (чета бизнесменов, владельцы большой виллы в Сен-Тропе) решили приободрить светского обозревателя, попавшего **в дресскодный просак** (Б. Рынска, *За «Базар» отметили*, «Известия», 19.11.2007 – НКРЯ);

Отчасти это связано с ксенофобией, но я считаю, что только **отчасти**, и, может быть, **от малой части** (О. Вендина, телепередача «Время», 28.09.2010).

Б) Потом прикатили другие колеса, мы опустили на них и с этой минуты стали **наполовину (нижнюю)** уже иностранными (С. Юрский, *Игра в жизнь*);

Дама же трянула поводьями [...] и пустила кобылу **рысью – очень резвой**, не смотря на предостережение (Б. Акунин, *Алмазная колесница*);

«Ленком» стоит **особняком. Историческим**. На улице Малая Дмитровка (телепередача «Картина маслом», телеканал «5», 17.10.2010);

[...] он, словно играя, рванул **вбок, в другой**, зачем-то наискосок прыгнул к своим нарам... (З. Прилепин, *Обитель*).

Возможен и другой способ деадвербиализации, при котором существительное образуется в два этапа: сначала говорящий «угадывает» в наречиях форму существительное, а потом употребляет его в иной падежной форме, расширяя тем самым парадигму этого существительного:

– Нет, все это изумительно, – сказала она, опуская бумагу. – У меня **смятка** в голове... (А. Грин, *Элда и Антигоя*);

Даже дипломатия, даже хитрость Марра, его насмешливый **обиняк** и сарказм носили характер чего-то красочного (О. М. Фрейденберг, *Воспоминания о Н. Я. Марре*);

Варишь свиные копыта (чистые, самую **нутрь**) не поверишь, всю ночь (Н. Кононов, *Нежный театр*, «Новый мир» 2004, № 7);

Мое «в упор» всегда встречало робкую **«кось»**, чаще мужскую, чем женскую (О. Новикова, *Любя*, «Новый мир» 2005, № 10);

[...] но покуда ночь и в городе ни огня
за щеколду бережно нежно должно быть джудит
силуэт украдкой и **опрометь** вдоль окна
в комнату где ни одна но и двух не будет
(А. Цветков, «Двадцать третье апреля гостей снарядил и лег...», «Октябрь» 2006, № 1);

– Ну, я пойду восвоюси. – Хорошо бы подальше были эти твои **свояси** (диалог из телесериала *Любовь как любовь*, 14.07.2006);

– Ничего-ничего, мы и так, всухомяточку. Правда, у нас и **сухомяточки** нет (телеканал «Россия-Культура», 3.03.2013).

Логику окказиональной номинации, представленной выделенными в примерах формами, отражает сопоставление структуры исходного наречия и употребленного говорящим существительного: (*в*)**смятку** – *смятка*, *обиняком* – *обиняк*, (*в*)**нутри** – *нутрь*, (*в*)**кось** – *кось*, *опрометью* – *опрометь*, (*во*)**свояси** – *свояси*, (*в*)**сухомяточку** – *сухомяточка*. Как видно, выделяемость обнаруживает такой формант наречия или часть этого форманта, которая может быть отождествлена с субстантивной флексией и коррелирующим с ней предлогом. Например, в структуре наречия *всмятку* «отдельность» демонстрируют приставка *в-* и конечный гласный суффикса *-(к)у*, которые воспроизводят типичную для предложно-падежных сочетаний существительных I склонения модель: *в полоску*, *в клетку*, *в елочку*, *в сторону* и под. Этот тип деадвербиализации по-своему подтверждает мысль о том, что «парадигма не только научный конструкт, но и психологическая реальность в сознании носителя языка» [Норман 2013: 31].

Многие наречия, фигурирующие в приведенных нами примерах, либо являются непроеизводными, как *опрометью* или *обиняком*, либо мотивированы другими частями речи, как *всмятку*, *внутрь*, *вкось*, *восвоюси*. Существительные, возникшие в результате деадвербиализации таких наречий, не имеют актуальных омонимов, но большинство из них воспроизводит слова, когда-то бытовавшие в русском языке. В словаре Даля, например, зафиксированы *опрометь* [Даль 2007, т. II: 568], *нутрь* [Даль 2007, т. II: 466], *свояси* [Даль

2007, т. IV: 34]. Таким образом, наречия оказываются своеобразными хранилищами реликтовых существительных, которые в любой момент могут получить вторую жизнь, будучи извлеченными из этого хранилища языковым сознанием говорящих.

Десубстантивация существительных адъективного склонения

Десубстантивация происходит, когда существительное адъективного склонения употребляется в синтаксической позиции согласованного определения. И. С. Улуханов выделяет окказиональную десубстантивацию в ряду других способов обратного словообразования: десуффиксации, депостфиксации, обратной конверсии флексий [Улуханов 1996: 40–41]. Если субстантивация прилагательного формально выражается в сокращении родо-числовой парадигмы, так что субстантиват теряет способность изменяться по родам, то десубстантивация выражается в ее «обратном» расширении, причем род и число субстантивата вновь становятся словоизменительными категориями с чисто структурной, согласовательной значимостью.

В синхронии языка различаются два вида существительных адъективного склонения. Одни имеют параллельно существующие омонимы среди прилагательных и мотивируются ими (А). Вторые не имеют такой соотносительности, они мотивируются другими частями речи или утратили производность (Б) [Лопатин 1967: 209–212]. Учитывая это, их можно назвать «квазисубстантиватами» (*насекомое, горничная, фамилии на -ский, -кий*). Механизм десубстантивации один и тот же для обеих разновидностей, но если базой для десубстантивации служит квазисубстантиват, то можно совершенно исключить возможность употребления узуального прилагательного, ср.:

А) «Потолок в **гостиной части** кухни оформляется [...]» («Квартирный вопрос», НТВ, 23.10.2010). Прилагательное *гостиная (часть)* мы рассматриваем как десубстантиват на базе существительного *гостиная* – ‘комната для приема гостей’, которое в данном случае послужило мотивирующим: речь идет об оформлении той части кухни, которая одновременно будет использоваться как место общего отдыха, в том числе и для застолий. Исторически само существительное *гостиная* образовано в результате субстантивации прилагательного *гостинный*, однако в современной речи это прилагательное используется лишь во фразеологизированном обозначении магазина – *гостинный ряд*. Вряд ли это неактуальное для говорящих прилагательное могло быть переосмыслено и употреблено в приведенном выше примере.

Б) «**Уборная история** – любовная история» (название «санитарно-просветительского» мультфильма для детей, 1 канал, «Новости», 22.02.2009).

Слово *уборная* в значении ‘помещение для отправления естественных нужностей’ сейчас используется только как существительное, поэтому факт десубстантивации его в этом примере очевиден.

Если принять во внимание денотативную отнесенность и способность прилагательного-десубстантивата расширять парадигму форм, то можно говорить о двух случаях. Первый: десубстантивация выражается в окказиональном восстановлении эллипсиса существительного: *У меня здесь была горничная девушка, ее звали Ата, моя дальняя родственница* (С. Моэм, *Луна и грош*, пер. с англ. Н. Ман). Схематично «историю» выделенной номинации можно представить так: *горничная девушка* → *горничная*_{субст.} → *горничная*_{десубст.} *девушка*. В этом случае словосочетание с прилагательным-десубстантиватом является просто синонимом узуального существительного адъективного склонения.

Явление подобного рода было отмечено В. В. Лопатиным [Лопатин 1967: 214–215], который обратил внимание на то, что в сфере технической терминологии сформировалась модель образования отсубстантивных существительных с суффиксом *-ов-* и ударной флексией прилагательного, обозначающих лицо, занятое определенной деятельностью на производстве: *печевой, мотковой, станковой* и под. Однако, как замечает В. В. Лопатин, эти существительные адъективного склонения могут употребляться и как определения к словам типа *мастер, рабочий* (*люковой грузчик, печевой плавильщик, ламповой рабочий*), что «свидетельствует об обратном влиянии типа существительных на *-овой* на систему отыменных прилагательных» [Лопатин 1967: 215].

Восстановление эллипсиса существительного (действительного или подразумеваемого, как в случае с технической терминологией) сохраняет у прилагательного-десубстантивата ту же денотативную отнесенность и, как следствие, форму рода и числа, что и у исходного существительного.

Второй случай: десубстантивация приводит к образованию прилагательного со значением ‘относящийся к тому/принадлежащий тому, что названо субстантиватом или квазисубстантиватом’. Денотативная отнесенность таких прилагательных расширяется, что отличает их от «десубстантиватов» первой группы. Как следствие, появляется и возможность расширения родо-числовой парадигмы бывшего существительного, например:

Все, разумеется вслух – все, ни на секунду не прекращая кипучей, громогласной, воистину **насекомой жизнедеятельности** (М. Степанова, *Хирург*);

Пока вся страна в предновогодней лихорадке обсуждала, стоило или не стоило снимать продолжение легендарной *Иронии судьбы*, на экраны довольно тихо вышел новый «числительный» фильм *1814* режиссера Андреса Пуустусмаа (С. Попов, *А младшему-то тринадцать*, «Литературная газета» 2008, № 1).

Достаточно многочисленные случаи именно такой десубстантивации отмечаются на базе существительных-фамилий, содержащих в своей структуре

элементы *-ск-* или *-к-*, которые осмысливаются говорящими как типичные суффиксы относительных прилагательных:

Мы приняли **богуславскую трактовку** синонимических структур (устный доклад Е. В. Рахилиной *Чего не хватает глаголу «хватать»?*, 28.05.2007);

Планируется к выходу новая 8-серийная версия *Преступления и наказания*. И вот – **достоевская опера** (И. Кабыш, *Поют Достоевского*, «Литературная газета» 2007, № 46);

Такая типично **дунаевская музыка** с примесью городского романса (телефильм о М. Дунаевском, телеканал «Волга», 4.02.2009);

Циолковские чтения (название конференции, телеканал «ОТР», 23.10.2013).

Деадъективация отглагольных прилагательных

Эта разновидность ретранспозиции, обратная «прямому» процессу адъективации причастий, опирается на те разновидности отглагольных прилагательных, которые содержат в своей структуре суффиксы, омонимичные суффиксам причастий, или образованы с помощью причастий. Ярким примером служит деадъективация прилагательных с суффиксами *-ем-/им-*. Формально прилагательные типа *сопоставимый*, *неизлечимый* отличаются от страдательных причастий тем, что образуются от глаголов совершенного вида, а также от непереходных глаголов. Для них характерно значение потенциальной возможности или невозможности действия, причем это действие мыслится вне связи с производителем, орудием или образом действия (типичные валентности глагольной формы). Собственно за счет этого прилагательные и выражают значение качественного, а не процессуального признака предмета. Наиболее отчетливо деадъективация этих прилагательных выражается в использовании при них творительного субъекта, который актуализирует процессуальную и залоговую семантику в этих формах:

Иначе, свалив все в один общий набор «ИКТ-компетенций», мы получаем **неисполнимый никем из педагогов** набор требований (М. Ю. Богданов, *Комментарий к «профессиональному стандарту педагога»*, 2013);

Незавидный выбор – статья **не обитаемым инвесторами** (о Кипре – «Вести», телеканал «Россия-24», 18.03.2013);

Он сам сделал себе посох – в тех **непредставимых** даже **большинством магов** Эвиала безднах, где ему довелось сражаться (Н. Перумов, *Дочь некроманта*);

Все они были учеными – физико-химико-математиками, и Бутонов испытывал к ним ко всем **им** совершенно **необъяснимое** чувство легкого презрения (Л. Улицкая, *Медея и ее дети*);

Дмитрий Поляков переступил незримый и физически не существующий, но очень хорошо **ощутимый им** порог монастыря (М. Юденич, *Сент-Женевьев-де-Буа*).

Девербативы на *-имый/емый* уже давно были подробно описаны В. Ф. Ивановой, которая обратила внимание на возможность управления ими творительного субъекта, правда, с ее точки зрения, творительный деятеля не свидетельствует о причастном характере этих прилагательных, так как весьма ограничен круг субстантивных лексем, которые могли бы эту форму принять. Чуть ли не единственно возможным вариантом, по мнению исследователя, является отрицательное местоимение *никто*: «Такой творительный можно было бы назвать творительным устраненного деятеля» [Иванова 1958: 174–175].

Приведенные нами примеры свидетельствует о более широкой употребительности при прилагательном на *-м-* существительных и местоимений-существительных в форме творительного падежа, выражающей агентивное значение. В то же время гораздо чаще прилагательные с суффиксами *-ем/-им-* управляют синкретичной формой творительного падежа, в которой совмещаются два значения: доминирующее орудийное и периферийное субъектное:

Есть и национальные эпосы (в которых, однако, тоже «много товару всякого», не всегда **постижимого** незрелым **разумом**) («Литературная газета» 2013, № 5);

Тогда возникают **непреодолимые** формальным **анализом** трудности (С. Г. Павлов, *Семантика*, 2012);

Ведь была долгая жизнь, **необозримая памятью**... Отчего же так быстро? (телеканал «Россия-Культура», 25.02.2012).

Отметим, что в приведенных нами примерах субъект действия, эксплицированный формой творительного падежа, носит не «всеобщий», а вполне конкретный характер. На наш взгляд, трансформация лексико-грамматической семантики прилагательных в подобных контекстах настолько существенна, что позволяет говорить об их переходе в причастия [см.: Эпштейн 2007].

В качестве вывода. Процессы «прямой» транспозиции – адвербиализация существительных, субстантивация прилагательных, адъективация причастий – являются конвергентными в своей сущности. «Обратные» процессы ретранспозиции могут быть интерпретированы как дивергентные. Деадвербиализация ярко демонстрирует структурную дивергенцию, когда цельная форма распадается на составляющие; десубстантивация и деадъективация демонстрируют семантическую дивергенцию, когда коммуникативный смысл выражается через словосочетание там, где в норме должно употребляться одно слово.

Литература

- Даль В. И., 2007, *Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт.*, Москва: ОЛМА Медиа Групп.
- Иванова В. Ф., 1958, Словообразование и употребление отглагольных прилагательных с суффиксом -м-, имеющих значение возможности-невозможности действия (Прилагательные, образованные от переходных глаголов совершенного вида), *Ученые записки ЛГУ, № 235, Серия филологических наук, вып. 38: Исследования по грамматике русского языка, I*, с. 143–177.
- Лопатин В. В., 1967, Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке [в:] Н. Ю. Швежова (отв. ред.), *Русский язык. Грамматические исследования*, Москва: Наука, с. 205–233.
- Мечковская Н. Б., 2009, *История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: Курс лекций по общему языкознанию*, Москва: Флинта – Наука.
- Норман Б. Ю., 2013, Словоформа vs парадигма (на материале русского языка), *Университетский научный журнал, № 4*, с. 30–40.
- Улуханов И. С., 1996, *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*, Москва: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова при участии издательства «Русские словари».
- Шанский Н. М., 2005, *Очерки по русскому словообразованию*, Москва: КомКнига.
- Эпштейн М., 2007, Есть ли будущее у причастий будущего времени? [в:] Н. А. Фатеева (отв. ред.), *Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: Материалы международной научной конференции*, Москва: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова, с. 259–266.